

события 1968 г. во Франции и последовавшие за ними изменения в социальной политике этой страны. В результате новый европейский обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и «общечеловеческими» ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости. Децильный коэффициент в Великобритании сегодня равняется 100! Золотой век в Западной Европе закончился, закончился в ней и период латентных экономических конфликтов. По мере снижения европейской конкурентоспособности и усиления поляризации в странах ЕС будут усиливаться в них и между ними социально-экономические конфликты.

На фоне этих и иных политэкономических трансформаций, сопровождаемых, как верно подметил Ж. Бодрийяр, радикальным изменением объекта экономической науки (переходом от меновой к знаковой стоимости), политические элиты ЕС продолжают попытки решать новые проблемы при помощи давно устаревших социальных институтов. Последнее во многом способствует дестабилизации геоэкономического пространства вокруг ЕС, порождая новые демографические и миграционные вызовы. От того, сумеет ли Старая Европа в ближайшее время преодолеть институциональный кризис ЕС и найти адекватные ответы на новые глобальные политэкономические и демографические вызовы, зависит не только существование европейского мира, но и благополучие государств Евразии и Африки.

ИНТЕГРАЦИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Б. В. Сорвилов, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики ГТУ им. Ф. Скорины

На протяжении последних десятилетий большинство стран ЕС искали новые пути модернизации экономики. Причинами поиска новых приоритетов послужили европейская интеграция и расширение ЕС, экономическая рецессия начала 90-х гг. XX в., возрастающая экономическая взаимозависимость на глобальном уровне и возникновение новых быстро растущих отраслей, основанных на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и биотехнологиях.

На протяжении 1990-х гг. во многих странах произошла значительная диверсификация отраслевых структур. Предприятия рассматриваемых стран быстро среагировали на появляющиеся зоны роста, такие как информационные технологии, телекоммуникации и биотехнологии. Новая стратегия базировалась на идее, что дальнейшее развитие промышленности будет зависеть от успехов в высокотехнологичных отраслях, поскольку экономический рост невозможно обеспечить только за счет улучшения старых продуктов или повышения эффективности традиционных отраслей промышленности.

В странах ЕС существовали свои национальные отличия, что в немалой степени объясняется разницей в отраслевых структурах промышленности в каждой из стран. Например, в Финляндии акцент на достижении конкурентоспособности означал крупномасштабные государственные программы ИР в области автоматизированного производства и микроэлектроники, в Швеции государственные программы ИР охватывали инновационные технологии (ИТ), биотехнологии и новые материалы. В Дании усилия были сосредоточены на пищевой промышленности. Важнейшей целью программ явилось изменение структуры промышленности за счет развития наукоемких отраслей.

Общей тенденцией рассматриваемых стран является признание важной роли исследований и разработок и инвестиции в ИР. Согласно Лиссабонской стратегии основной задачей правительств стран ЕС являлось увеличение наукоемкости ВВП до уровня 3 %. Затраты на ИР инновационных лидеров – Швеции, Финляндии, Дании, Швейцарии и Австрии превышают среднеевропейский уровень (2 % в 2010 г.) [1].

Показатели инновационных лидеров – Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Словении и умеренных инноваторов – Чехии и Венгрии ниже среднеевропейского уровня. Достижение ЕС-27 по показателю наукоемкости ВВП, равному 3 %, оказалось невыполненной задачей, однако данный показатель служит своеобразным ориентиром для стран ЕС.

Государственный сектор играет важную роль в Люксембурге, Словении, Чехии, Венгрии и Нидерландах. Наблюдается тенденция повышения роли сектора высшего образования. Так, скандинавские страны характеризуются высокой ролью университетского сектора в выполнении ИР. Это касается и западноевропейских стран (за исключением Люксембурга), где также значительная доля выполнения ИР приходится на университетский сектор. Страны Центральной Ев-

ропы отличаются высокой долей выполнения ИР в государственном секторе.

Бизнес-сектором финансируется 53,9 % всех затрат на ИР в ЕС-27 [2]. Особенно высока его доля в финансировании ИР Швейцарии, Финляндии – более двух третей. Только в Австрии, Нидерландах, Люксембурге, Венгрии и Чехии доля бизнес-сектора не превысила 50 %, что компенсируется долей госсектора и финансированием из-за рубежа. Более весома роль госсектора в Австрии, Нидерландах и малых экономиках Центральной Европы. Большое значение постепенно приобретает финансирование ИР из-за рубежа, и особенно в таких малых экономиках, как Австрия, Венгрия, Бельгия, Нидерланды, Чехия, Швеция, Дания.

Проделанный анализ эволюции наукоемкости ВВП европейских стран с малой экономикой, а также структуры финансирования ИР в различных инновационных системах позволил сделать следующие выводы. В соответствии с долей расходов на ИР к ВВП можно выделить страны с высоким, средним и низким уровнем наукоемкости ВВП и особенности финансирования исследований и разработок, характерные для каждой из этих групп. *Страны с высокой наукоемкостью ВВП* – Швеция, Финляндия, Швейцария, Дания, Австрия, уровень наукоемкости ВВП которых превышает 2,7 %, что значительно превосходит среднеевропейский уровень в 2 %. В данной группе выделяются скандинавские страны, причем расходы на ИР Швеции, Финляндии, Дании уже преодолели 3-процентный рубеж. Во вторую группу *стран со средним уровнем наукоемкости ВВП* входят Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Словения и Чехия, уровень затрат на ИР которых возрос за последние годы, превысив 1,5 %, но в большинстве стран все еще не достигает среднеевропейского уровня. К группе *стран с низкой наукоемкостью ВВП* относится Венгрия, уровень затрат на ИР к ВВП которой превысил только 1 %.

Что касается структуры финансирования ИР, то здесь можно выделить следующие тенденции. Страны с высокой наукоемкостью ВВП характеризуются высоким уровнем вовлеченности предпринимательского сектора в финансирование ИР. Тем не менее степень участия госсектора также является весьма существенной, демонстрируя, что высокий уровень финансирования ИР бизнес-сектором не препятствует финансированию со стороны государства. Здесь не наблюдается эффект замещения, напротив, высокие вложения со стороны бизнеса идут рука об руку с высоким уровнем государственного финансирования. Особенно важная роль госсектора обнару-

живается в условиях мирового финансового экономического кризиса. Например, в Финляндии, несмотря на то что в начале 1990-х гг. страна находилась в условиях финансового кризиса и правительство сокращало расходы, инвестиции в ИР оставались на высоком уровне, а поддержка государства даже усилилась за время экономического спада. Расходы госсектора на ИР росли достаточно быстрыми темпами на протяжении 1990-х гг., поскольку большая часть доходов от приватизации государственных предприятий была выделена на ИР. В Швеции по сравнению с другими странами относительно небольшая доля государства в общем финансировании ИР представляет довольно высокий уровень затрат по отношению к ВВП.

В странах со средним и особенно низким уровнями наукоемкости ВВП вложения госсектора в ИР играют более важную роль по сравнению с вложениями бизнес-сектора. Государственное финансирование ИР необходимо для создания и развития возможностей науки, что является предпосылкой для уменьшения технологического разрыва между странами и для поддержания исследовательских проектов, связанных с высокими ожидаемыми социальными выгодами, поскольку данные проекты могут быть не столь привлекательными для частных предприятий.

В странах с достаточно высоким уровнем корпоративных расходов на ИР ключевую роль сыграло ограниченное число секторов. В Финляндии затраты на ИР со стороны предпринимательского сектора практически утроились за последние десятилетия, и важную роль в этом сыграл сектор радио-, телевизионного и коммуникационного оборудования. Значительный вклад в наукоемкость ВВП Финляндии внесла компания Nokia. Если из общих расходов на ИР вычесть расходы Nokia, то в 2000 г. затраты на ИР по отношению к ВВП составят только 2,4 % [3, с. 19].

Национальные инновационные системы других стран также характеризуются концентрацией ИР в нескольких отраслях, даже в нескольких компаниях. В Бельгии, например, высокую долю в расходах на ИР занимают отрасли фармацевтической (25 % всех расходов промышленности) и химической промышленности (12 %) [4, с. 4], причем несколько крупных компаний доминируют в общих расходах на ИР.

Высокие расходы на ИР в Чехии концентрируются в производстве автомобилей, механического оборудования, химических товаров. Особенно высокий уровень затрат на ИР достигнут в автомобильной промышленности [5, с. 3]. В Венгрии доля химической

промышленности (главным образом фармацевтической) составляет 60,4 % общих расходов на ИР компаний обрабатывающей промышленности [6].

Несмотря на то что в каждой из рассмотренных стран имеются свои особенности финансирования ИР, ключевую роль сыграли следующие отрасли: фармацевтика, автомобильная промышленность, радио-, телевизионное и телекоммуникационное оборудование, компьютерные и связанные с ними услуги.

Одним из направлений инновационных стратегий европейских стран с малой экономикой является увеличение высокотехнологичного экспорта. По данным Всемирного банка, доля высокотехнологичного товарного экспорта в общем экспорте страны в Швейцарии составляла 24 %, в Венгрии – 23 %, Нидерландах – 20 %. В других рассматриваемых странах она составила более 10 %, за исключением Словении (6 %) и Финляндии, где зафиксировано падение товарного экспорта с 14 % в 2009 г. до 9 % [7].

Следует отметить увеличение доли Венгрии, Чехии, Словении (с 0,53 % в 2005 г. до 0,90 % в 2011 г.; с 0,23 до 0,36 %; с 0,39 до 0,59 % соответственно) на рынке продукции фармацевтической промышленности; Венгрии и Чехии (с 1,36 % в 2005 г. до 1,58 % в 2011 г.) – на мировом рынке продукции электронной промышленности [8, с. 86, 88].

Тенденцией инновационного развития стран Западной и Центральной Европы с малой экономикой является применение мер косвенного стимулирования ИР. Если в 1990-х гг. переход в сторону благоприятного налогового режима проходил с одновременным уменьшением прямого финансирования (эффект замещения), то с началом нового тысячелетия уровень прямых субсидий больше не сокращался. И только в связи с мировым экономическим кризисом наметилась тенденция снижения прямого финансирования ИР и перехода от прямого к косвенному стимулированию. Особенно широко меры льготного налогообложения, направленные на привлечение иностранного капитала в сферу ИР, используются в странах Центральной Европы.

Таким образом, отмеченные особенности инновационного развития ряда стран ЕС характеризуются некоторыми особенностями: 1) вложения госсектора в ИР играют более важную роль по сравнению с вложениями бизнес-сектора; 2) концентрация ИР в нескольких отраслях – фармацевтика, автомобильная промышленность, радио-, телевизионное и телекоммуникационное оборудование, компьютерные и связанные с ними услуги; 3) повышение роли уни-

верситетского сектора в выполнении ИР; 4) применение мер косвенного стимулирования исследований и разработок.

Список использованных источников

1. EIO (2011). The Eco-Innovation Challenge: Pathways to a resource-efficient Europe. Eco-Innovation Observatory. Funded by the European Commission, DG Environment. – Brussels, 2011. – 109 pp.
2. Innovation Statistics // Eurostat [Electronic resource]. – Mode of access: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics>. – Date of access: 17.02.2016.
3. *Blomström, M.* Growth and Innovation Policies for a knowledge economy: experiences from Finland, Sweden and Singapore / M. Blomström, A. Kokko, F. Sjöholm // Working Paper 156. – Finland, 2002.
4. INNO-Policy Trend Chart – Policy Trends and Appraisal Report: Belgium / European Commission, Enterprise Directorate-General, 2008.
5. INNO-Policy Trend Chart – Policy Trends and Appraisal Report: Czech Republic // European Commission, Enterprise Directorate-General, 2008.
6. INNO-Policy Trend Chart – Policy Trends and Appraisal Report: Hungary // European Commission, Enterprise Directorate-General, 2008.
7. High-technology exports (% of manufactured exports) / The World Bank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS/countries>. – Date of access: 6.12.2015.
8. OECD, Main Science and Technology Indicators Database [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/>. – Date of access: 18.11.2015.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н. В. Юрова, к. э. н., доцент кафедры международных экономических отношений БГУ

В условиях замедления экономического роста, повышения уровня безработицы из-за сокращения объемов производства и оптимизации трудовых ресурсов на крупных предприятиях, сокращения потребления и обострения конкуренции как на национальных, так